

Н. Стракхов

**Критические статьи об И.С.
Тургеневе и Л.Н. Толстом**

1862-1885

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Страхов**
Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом: 1862-1885 / Н.
Страхов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 508 с.

ISBN 978-5-517-97865-3

ISBN 978-5-517-97865-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

она безпощадно гнала и ломала старое и стремилась проповѣдывать новыя идеи. Журналисты задавались цѣлью раскрыть и разработать въ своемъ журналѣ нѣкоторое новое направленіе, еще неслыханное, но единое истинное. Писатели стремились дать—кто новую педагогію, кто новую эстетику, новую исторію рода человѣческаго, новую философію, и т. п. Это происходило публично; въ частныхъ же разговорахъ можно было услышать предложеніе сочинить и новую религію. Въ сущности во всемъ этомъ уже сказывался нигилизмъ, но еще въ самыхъ широкихъ и общихъ своихъ формахъ, еще полный надеждъ и чреватый неизвѣстнымъ будущимъ. Для болѣе зоркаго взора, тутъ обнаруживалось только то, какъ мало крѣпкихъ корней имѣли всѣ понятія, весь обиходъ мыслей нашей интеллигенціи. При малѣйшемъ толчкѣ, люди отрывались отъ почвы и носились своимъ умомъ по волѣ вѣтра. Но я тогда не былъ расположенъ къ такимъ низменнымъ взглядамъ.

Прямого участія въ тогдашнемъ кипучемъ движеніи я никакого не принималъ, да и никогда не чувствовалъ я въ себѣ ни охоты, ни способности выступать предводителемъ, поучать, направлять умы. Поэтому, я стоялъ въ сторонѣ и только наблюдалъ, только судилъ о томъ, что дѣлаютъ другіе. Естественно, что я смотрѣлъ на нихъ съ ихъ лучшей стороны и охотно готовъ былъ отдавать имъ справедливость. Мнѣ казалось, что это огромное возбужденіе умовъ не можетъ не принести какихъ-нибудь хорошихъ плодовъ. Отрицаніе, сомнѣніе, пытливость—это лишь первый шагъ, думалъ я, это—неизбѣжное условіе свободной работы мысли. А затѣмъ

второй шагъ будетъ уже—выходъ изъ отрицанія, положительная мысль, подъемъ на болѣе высокую степень пониманія. Такъ вѣдь выходитъ и по Гегелю. И мнѣ приходили на умъ всякіе философы съ ихъ глубокими запросами и отрицаніями. Такимъ образомъ, я вообразилъ, что въ родной литературѣ совершается важное движеніе мысли. По уваженію къ литературѣ, еще не охладѣвшему у новичка, я не могъ прійти къ дерзкой мысли, что вся она дастъ одинъ пустоцвѣтъ въ огромныхъ размѣрахъ. Не смотря на всѣ безобразія, рѣзавшія мнѣ глаза и противъ которыхъ я уже сталъ полемизировать, я все продолжалъ думать, что живу не въ будни, а въ праздникъ, что передъ моими глазами русскій умъ, такъ или иначе, вступитъ въ какой-то новый фазисъ.

Вотъ объясненіе того настроенія, въ которомъ написана статья объ *Отцахъ и дѣтяхъ*. На Тургенева я въ ней смотрѣлъ какъ на чистаго художника, руководящагося своимъ высшимъ даромъ и потому обладающаго такою пронизательностію и многосторонностію взгляда, какою не бываетъ у простыхъ смертныхъ. Роль художества состоитъ именно въ томъ, что оно выводитъ на всенародныя очи самую глубину и ширину жизни, почему оно и сильнѣе и правдивѣе всякихъ умствованій. Такую самостоятельность и высоту приписывалъ я Тургеневу. Въ *Отцахъ и дѣтяхъ* онъ, очевидно, преклоняется передъ Базаровымъ, точно такъ какъ въ послѣдствіи въ *Нови* преклонился передъ Соломинымъ. И я послѣдовалъ за поэтомъ и подробно указалъ на всѣ черты его героя, которыми онъ превосходитъ окружаю-

щія лица. Исповѣданіе Базарова, нигилизмъ, я также выставилъ съ самой сильной его стороны, какъ чистое отрицаніе, какъ порывъ мысли освободиться отъ старыхъ понятій, какъ послѣдовательное исканіе новаго пути для жизни и дѣятельности ума. Однако же, такъ какъ это исканіе есть лишь минута перехода, незаконченный процессъ, такъ какъ весь Базаровъ, въ самомъ его изображеніи въ романѣ, есть только зачатокъ, эмбрионъ какаго-то будущаго дѣятеля (такихъ эмбрионовъ вообще не мало изобразилъ Тургеневъ), то мнѣ казалось, что Тургеневъ не просто преклоняется передъ нимъ, а стремился взять его объективно. Приписывая Тургеневу всю силу поэтической зоркости и поэтического возвышенія надъ изображаемымъ предметомъ, я думалъ, что свѣтлыя и нѣжныя краски, которыми писана вся картина, обружающая Базарова, употреблены въ романѣ вслѣдствіе чувства художественнаго контраста между душевнымъ слядомъ этого упорнаго теоретика, и теплою, истинно-живою жизнью. Поэтому я и написалъ, что по смыслу романа, жизнь, въ настоящемъ значеніи этого слова, стоитъ выше, одерживаетъ верхъ надъ Базаровымъ. Думаю, что это сужденіе вѣрное, даже независимо отъ романа. Можно было предполагать, что изъ тогдашняго нигилизма выродится и нѣчто положительное; но самъ по себѣ этотъ нигилизмъ никакъ не могъ считаться прогрессомъ, еще не имѣлъ въ себѣ ничего зиждительнаго; потому-то онъ, такъ или иначе, былъ подавленъ и подавляется истинно-живыми началами.

Такимъ образомъ, разбирая *Отцовъ и дѣтей*, я

очевидно идеализировалъ и Тургенева, и, слѣдуя за Тургеневымъ, самый нигилизмъ; на автора я смотрѣлъ какъ на настоящаго поэта, а на нигилизмъ, какъ на настоящій поворотъ умовъ. Мнѣ кажется, что я имѣлъ нѣкоторое право на такую идеализацію. Если потомъ стало ясно, что я ошибся и въ томъ, и въ другомъ, и въ Тургеневѣ, и въ нигилизмѣ, то вѣдь источникъ этой ошибки не во мнѣ одномъ; поворачивая обвиненіе, я могъ бы сказать, что виноваты и самъ Тургеневъ, и самъ нигилизмъ: они меня обманули; они выступили съ притязаніями, которыхъ не выдержали, и съ надеждами, которыхъ не исполнили.

Уже при первыхъ разговорахъ съ Тургеневымъ въ 1862 году, и потомъ въ 1864, я замѣтилъ въ немъ безпокойство, которое мнѣ было не по душѣ. Онъ видимо боялся той брани, которая тогда сыпалась на него въ журналахъ. По моей наивности, я воображалъ, что онъ долженъ былъ бы оставаться въ томъ олимпійскомъ спокойствіи, которое прилично художнику, и развѣ только радоваться шуму, какъ добазательству вниманія къ его произведенію. Передъ нашими глазами такъ поступалъ и поступаетъ Л. Н. Толстой—блистательный прѣмѣръ, который, въ нашему счастью, существуетъ въ нашей литературѣ, и на который можно сослаться, когда рѣчь идетъ о самостоятельности писателей.

Впрочемъ, время *Отцевъ и дѣтей* и тогдашнее положеніе Тургенева было особенное и, можетъ быть, я судилъ его слишкомъ строго. Это было время *литературнаго террора*, когда писателей казнили, лишая ихъ, такъ-сказать, гражданской чести. Но я, по вольнодум-

ству, которое не прошло мнѣ даромъ, никакъ не могъ, даже въ самый разгаръ этого террора, принять его за серьезное дѣло. Тургеневъ, болѣе опытный и близко знакомый съ литературными кружками, очевидно лучше понималъ опасность и не совсѣмъ напрасно тревожился.

Нѣкоторое время, однако, онъ держался въ личномъ спокойствіи, хотя и видно было, что онъ чѣмъ-то пораженъ. *Призраки* (1863), *Довольно* (1864), *Дымъ* (1867)—все это отзывается тоскою и раздумьемъ. „Все русское—дымъ“, говорилъ себѣ Тургеневъ, какъ будто желая утѣшиться, желая считать пустякомъ и то осужденіе, которому подвергся. Но онъ не выдержалъ такого напряженнаго положенія и скоро склонилъ голову и призналъ себя виноватымъ. „На мое имя легла тѣнь; я знаю, эта тѣнь съ моего имени не сойдетъ!“ — напечаталъ онъ въ 1869 году.

И такъ, Тургеневъ, въ сущности, не хотѣлъ и не могъ быть тѣмъ художникомъ, свободу и высоту котораго я такъ восторженно восхвалялъ въ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Онъ былъ неизсцѣлимо зараженъ вѣрою въ прогрессъ, и прогрессомъ для него было то движеніе, которое совершалось въ литературномъ кружкѣ, когда-то его воспитавшемъ. Это отсутствіе всякихъ твердыхъ опоръ внутри человѣка, эта боязнь, при которой онъ уже не можетъ самъ различить, правъ ли онъ, или виноватъ, наконецъ, это очевидное желаніе загладить свою мнимую вину и заслужить прощеніе, все это было поразительно въ такомъ талантливомъ и знаменитомъ человѣкѣ, и, мнѣ кажется, невозможно было смотрѣть на это безъ горькаго чувства. Тургеневъ вѣдь кончилъ тѣмъ,

что воспѣлъ намъ, Соломина, (*Новы*, 1877) какъ нѣчто положительное, какъ послѣдній фазисъ нашего прогресса, послѣднюю ступень нашего развитія.

Непонятное, слѣпое суевѣріе! Какъ можно было такъ упорно коснѣть въ этомъ предразсудкѣ, когда этотъ прогрессъ давно уже обнаружилъ свою сущность? Нигилизмъ ничего не произвелъ и не могъ произвести; онъ оказался простымъ подражаніемъ, и только повторилъ давнишніе ходы мысли, приводящіе ко всякому злу, но ничего не созидающіе. Грустно подумать, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ тутъ проявилось безплодіе русскихъ умовъ. Нигилизмъ есть новая черта въ русской литературѣ; эта черта составляетъ главную характеристику большаго періода, всей литературы прошлаго царствованія, и эта черта, въ величайшему нашему горю, имѣетъ отрицательный показатель, она есть признакъ подражательности и безплодія. Когда въ 1866 году разнеслась вѣсть о повушеніи Каракозова, мнѣ живо представилось, что цѣль всего содержанія нигилизма закончился. вмѣсто литературнаго террора наступалъ уже терроръ физическій. Послѣдовательность была очевидная, и меня только изумило, что за первымъ злодѣйствомъ такъ долго не наступали новыя попытки. Но смыслъ нигилистическаго движенія былъ уже окончательно ясенъ. Оно было запоздалою реакціею противъ Николаевскаго царствованія, и никакихъ сѣмянъ мысли въ немъ не было. Это былъ не умственный поворотъ, а безплодное шатаніе мыслей, не умѣющихъ и не стремящихся во чтѣнибудь сложиться. Это шатаніе быстро пошло по давно пробитымъ колеямъ революціо-

наризма и анархизма, то есть пошло въ отрицательную сторону, какъ самую легкую и всегда открытую, но оно не дало намъ никакого положительнаго плода. Мы остались на томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде были, потому что мы не любимъ медленно строить, не хотимъ трудиться и думать, а предпочитаемъ говорить и дѣйствовать.

Пусть же читатели мнѣ простятъ, что я когда-то не хотѣлъ повѣрить такому печальному взгляду на наше литературное движеніе, а также, что приписалъ сперва Тургеневу силу, которой у него не было.

27 сент. 1887.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Часто мнѣ совѣтовали издать мои критическія статьи, и я давно бы послѣдовалъ этому совѣту, если бы самъ былъ такъ же ими доволенъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ читателей. Но критика въ тѣсномъ смыслѣ, то есть оцѣнка и характеристика художественныхъ произведеній литературы, всегда казалась мнѣ дѣломъ чрезвычайно труднымъ; я всегда думалъ, что едва-ли могу исполнять его въ совершенствѣ. Мои статьи этого рода были писаны большею частію по желанію журналовъ, въ которыхъ я участвовалъ; и, хотя я прилагалъ въ этому писанію всяческую точность и добросовѣстность, всегда я чувствовалъ, что къ мыслямъ, изложеннымъ мною, слѣ-

довало бы прибавить еще другія черты и поясненія. Хорошая критика требует не только горячей любви къ художественнымъ произведеніямъ, но и особенной чуткости къ формѣ художества, такъ чтобы общее впечатлѣніе и крупныя черты произведенія не заслоняли, въ глазахъ критика, частныхъ и второстепенныхъ развитій идеи. Кромѣ того, критикъ долженъ обладать глубокимъ и многостороннимъ чутьемъ жизни, то есть всякаго рода сердечныхъ движеній, различныхъ типовъ душевнаго слада людей, различныхъ видовъ красоты и безобразія, силы и слабости въ человѣческомъ образѣ дѣйствій. Въ такой чуткости къ жизни и къ художеству никто у насъ не превзошелъ *Аполлона Григорьева*. Вотъ почему, прежде чѣмъ издавать свои статьи, я приложилъ заботы о томъ, чтобы издать сочиненія этого у насъ несравненнаго критика *); да и теперь, такъ какъ я обращаюсь къ читателямъ, интересующимся критикою русской литературы, то прежде всего посоветую имъ читать прилежно *Ап. Григорьева*, и лучшаго совѣта дать не могу.

Впрочемъ, хотя мои статьи не достигаютъ идеала критики, хотя въ нихъ больше господствуютъ мысли общія и отвлеченныя, однако же настоящій критическій элементъ въ нихъ также есть, и, можетъ быть, иные читатели одобрятъ меня за ясность и опредѣленность тѣхъ чертъ, на которыхъ я останавливаюсь.

Прибавлю еще, что моя книга вѣроятно никогда бы не явилась на свѣтъ, если бы мнѣ не довелось и въ

*) *Сочиненія Аполлона Григорьева*. Томъ первый (съ портретомъ). Изданіе Н. Н. Страхова. Спб. 1876.

послѣднее время написать нѣсколько критическихъ статей. Содержаніе ихъ на столько важно въ моихъ глазахъ, и я на столько доволенъ ихъ изложеніемъ, что съ бдѣльшею смѣлостію рѣшаюсь предложить ихъ читателямъ въ отдѣльномъ изданіи. Прошу не упускать этого изъ вида, такъ какъ статьи расположены въ строго хронологическомъ порядкѣ, и слѣдовательно, къ моему огорченію, впереди стоятъ тѣ, на которыя я всего менѣе надѣюсь. Но читатель менѣе нетерпѣливый увидитъ пользу этой послѣдовательности. По этимъ статьямъ, писаннымъ во время перваго появленія различныхъ произведеній Тургенева и Толстаго, можно въ извѣстной мѣрѣ судить, какого рода интересъ связывался тогда съ этими произведеніями, каково было настроеніе публики и литературы, и какъ оно измѣнялось. Въ точности же моихъ указаній я до сихъ поръ не имѣю повода сомнѣваться.

Изъ своихъ критическихъ статей я издаю здѣсь только относящіяся къ двумъ названнымъ писателямъ. Причина, во-первыхъ, та, что это главныя мои статьи, что, въ теченіе этого долгаго времени, я преимущественно писалъ о Тургеневѣ и Толстомъ, и слѣдовательно, тутъ именно и могу полагаться на ясность и выработку своего сужденія. А во-вторыхъ, эти два ряда статей представляютъ не только нѣкоторую полноту, но и контрастъ, поясняющій все дѣло. Во многихъ отношеніяхъ, Тургеневъ и Толстой противоположны другъ другу. Одного можно назвать западникомъ, другаго славянофиломъ, хотя въ строгомъ смыслѣ эти названія къ нимъ не приложимы; искусство, по самой своей природѣ, слишкомъ свободно, чтобы вполнѣ подходить подъ опредѣленія нашихъ пар-

тій. Далѣе, одинъ — подражатель и идетъ по теченію; другой чрезвычайно самобытенъ и независимъ отъ всякихъ теченій; одинъ обнаружилъ слабость въ своихъ отношеніяхъ къ общественному мнѣнію, другой очевидную нравственную силу, и т. д. Мнѣ слѣдуетъ предупредить читателей, что они найдутъ въ настоящей книгѣ рѣзкія страницы противъ Тургенева. Пусть однако его поклонники обратятъ вниманіе на то, что и всѣ его достоинства здѣсь не упущены изъ вида.

Но главный центръ моей книги, отъ котораго зависятъ наибольшій ея вѣсъ, есть конечно Толстой. Тутъ помѣщены въ полномъ составѣ статьи, которыя могли бы подать мнѣ поводъ къ большой гордости. Задолго до нынѣшней славы Толстаго, до восторговъ, вызванныхъ его произведеніями за границей и повторенныхъ у насъ, въ то время, когда даже еще не была кончена *Война и Миръ*, я почувствовалъ великое значеніе этого писателя и старался объяснить его читателямъ. Во всякомъ случаѣ, я могу сослаться на этотъ фактъ, какъ на доказательство живости и независимости чувства, внушившаго мнѣ поклоненіе, которое я съ тѣхъ поръ исповѣдую. Долго я подвергался за него насмѣшкамъ, но наконецъ сила вещей побѣдила, и теперь, вѣроятно, тотъ самъ заслужитъ похвалу, кто превзойдетъ другихъ въ похвалахъ Толстому.

Дѣло конечно не въ томъ, что я первый, и уже давно, печатно провозгласилъ Толстаго геніальнымъ и причислилъ его къ великимъ русскимъ писателямъ. Главное всегда — въ пониманіи духа писателя, въ томъ внутреннемъ сочувствіи, которое отрываетъ намъ самую